

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Экран и сцена. - 1994 - 28 апр - 5 мая (№6) - с. 2

ПЕРЕХЛЕСТНОЕ ОПЫЛЕНИЕ

Две последние премьеры на большой сцене МХАТа, который имени Чехова, заставляют задуматься. Нет, не об художественных достижениях, которые в «За зеркалом» и «Ужине» не поражают воображение. И тем не менее, обе постановки жестко связаны одной чертой.

Цена билета на спектакль с участием Галины Вишневской достигает 50 тысяч, возможность увидеть ужинающих Олега Табакова и Армена Джигарханяна реализуется за 25 тысяч. В отличие от других проектов, затраты, на которые становятся известны по шумной рекламе и косвенно оправдывают цифры в кассах (всем запомнились миллионы на «Чайку» в Содружестве Актеров Таганки, или они же, но в валюте на «Орестею»), в данных работах трудно определить, из чего складываются эти цифры. Тот и другой — камерны, нет высокооплачиваемой массовки, декорации не выглядят особо изощренными, разве что костюмы на премьерше «За зеркалом» сменяются чаще, чем требуется, но вряд ли они так уж влияют на суммарную цену. По-видимому, происхождение цен, как и на ярлыках в палатках и на прилавках, весьма туманно и научно обоснованию не поддается.

Осторожно предположив своего рода монополизм — только тут можно увидеть и услышать нечто уникальное, — нельзя не признать, что в принципе такой подход согласен с природой искусства, образцы которого — всегда в единственном экземпляре. Но кто берет на себя смелость перевести ценность в цену?

Конечно, если кто-то может выкладывать значительные суммы, то почему бы тем, у кого их нехватка, не воспользоваться ситуацией? Один из создателей «Ужина» Олег Табаков откровенно говорит, что доходы от этого совместного проекта МХАТа и театра Табакова пойдут как раз на поддержку других программ, заведомо убыточных. К тому же всем известно, что наши звезды получают — в сравнении с мировыми стандартами — мизерные гонорары.

Но ведь не только они — по другую сторону рампы тоже не одни толстосумы. Бешеные деньги, выкладываемые посетителями театрального представления за возможность лицезреть кумиров (а на томо построены приманки «За зеркалом» и «Ужина», да и не одни они), распевают аудиторию. Признак дифференциации — толщина бумажника, и только она.

Резкая поляризация общества, расслоение на пролетариев (в привычно-классическом смысле — тех, кому «нечего терять») и суперимущих (квартиры в Париже, дома в Лондоне, виллы на Лазурном берегу) захватывает и театр. Вереницы иномарок выстраиваются не только на премьерах Романа Виктюка или Леонида Трушкина. Было бы наивным полагать, что страстные любители и горячие ценители способны выложить за вечер сумму, скопленную ценой двух-трехмесячного голодания (официальный минимум зарплаты, как известно, — около 14,5 тысячи в месяц). Иными словами, мастера, ценящие свой труд в выражениях, нормальных для процветающих стран, но оскорбительных в охваченной экономическим параличом республике, отстраняют от себя широкую публику, ставят заслон не только малоимущим зрителям, но и любопытствующим, способным в будущем пополнить ряды театралов. Не надо скрупулезных социологических исследований, чтобы утверждать: пока — да и в обозримом будущем — опыт, вкус, знания и прочее, короче — индивидуальный вклад вряд ли будет соответствовать оплате, скорее наблюдается обратная зависимость. А ориентация исключительно на мощнообладателей губительна — нет ничего пагубнее для театра и актеров, нежели нетребовательный зал.

Впрочем, есть попытки облегчить бремя — Малый театр на первые представления своего «Дяди Вани» пускал бесплатно; однако по какой-то фантастической закономерности в эти вечера партер и амфитеатр заполняли лица,

которых при всем желании трудно было отнести к категориям социально обиженных.

По непонятной пока, но наглядной зависимости, прибыльность, планируемая для сценических проектов, ведет, как правило, к эстетической худосочности. Возможно, это особенность только отечественного театра, тайными путями отделяющего коммерческие устремления от художественных. Однако рисковать не очень хочется: уступить первородство пусть не за чечевичную похлебку, а за обед в валютном ресторане — вряд ли выгодная сделка.

Еще можно понять те маломощные материально, но интересные эстетическими замыслами антрепризы, которые вынуждены поднимать цены из-за непомерной стоимости аренды. Но и они стараются не перегибать палку, удовлетворяясь нулевым балансом. По крайней мере, таких цен, какие запрашиваются в МХАТе на Камергерском, нет нигде больше среди претендентов на искусство.

При своем образовании МХТ замышлялся как общедоступный — это отражалось и в его названии. Будучи реалистами, основатели сами сняли определение, хотя и стремились все же — системы скидок, дешевых мест — принять в своих стенах и малоимущих. Однако главное в наименовании — Художественный — удалось-таки сохранить, и будет жаль, если к грядущему своему юбилею придется с ним расстаться.

Впрочем, это относится не только ко МХАТу — на нем только все глянется рельефнее. Многие маститые тянутся ныне к дикovinному симбиозу театра-дома и антрепризы, сочетающему на практике отнюдь не лучшие качества обеих систем. В биологии есть понятие перекрестного опыления, когда скрещивание разных видов приводит к селекции гибрида с желаемыми чертами. В улучшении агрикультурными приемами на драматических подмостках заметен явный перехлест.

Алексей НИКИТИН.